

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ АРМЯНСКОЙ САТРАПИИ

Г. А. ТИРАЦЯН

Проблема института сатрапа и весь круг вопросов, связанных с ним, важны как для истории ахеменидской державы в целом, так и для истории ее составных частей, стран и провинций.

Их изучение подводит нас к проблемам прежде всего внутренней истории, выявляя при этом самые широкие ее аспекты—социальные, политические, культурные. Вместе с тем определяются и вопросы более специфического характера, несомненно также представляющие интерес, как-то: сатрапский двор и система организации сатрапского управления, военная организация сатрапии, хозяйственная система сатрапии, прежде всего ее раздел, непосредственно связанный с самим сатрапом.

Эти вопросы не в одинаковой мере освещены в источниках. О ряде стран—Вавилонии, Египте и некоторых малоазийских—мы хорошо осведомлены, о других мы знаем меньше. К числу последних следует отнести и Армению.

Из-за крайней отрывочности сведений некоторые вопросы, имеющие на первый взгляд частный характер и связанные с сатрапским строем в Армении, по существу остались вне поля зрения исследователей. Если, тем не менее, их возможно осмыслить, то только при рассмотрении на фоне общеперсских данных, число которых непрерывно растет и ждет обобщения.

1. Сатрапские имения

Царю царей, царице, членам царской семьи принадлежали обширные имения, разбросанные по всей империи. Они известны в северном Иране (*Плутарх*, Артаксеркс, XXV), в Вавилонии, около Ниппура¹ и Описа (*Ксенофонт*, Анабасис, II, 4; 27), а также в ряде других мест², в Сирии—у истоков реки Дарданы (*Ксенофонт*, Анабасис, I, 4; 9), в Фини-

¹ The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania, Philadelphia, 1904, X, n° 128. Ср. И. М. Дьяконов, Рабовладельческие имения персидских вельмож, «Вестник древней истории», 1959, № 4, стр. 87; М. А. Дандамаев, Чужеземные рабы в хозяйствах ахеменидских царей и их вельмож (XXV Международный конгресс востоковедов), М., 1960, стр. 2.

² М. А. Дандамаев, Контракты о сдаче в наем скота, принадлежавшего сатрапу Аршаму. Сб. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», М.—Л., 1963, стр. 133, прим. 34.

кин, около Сидона (*Диодор Сицилийский*, Историческая библиотека, XVI, 41)³, в Малой Азии⁴ и в других местах⁵.

Крупными землевладельцами были и начальники областей, иранские сатрапы. Как правило, имение каждого сатрапа было расположено в пределах собственной сатрапии, но известны случаи, когда сатрап владел земельными угодьями и в других областях. Из арамейских писем Аршама, сатрапа Египта, известно, что он владел имениями не только в Египте, но и в ряде других стран—в Эламе, Мидии (или Ассирии), Вавилонии, Сирии⁶.

Интересные данные о сатрапских владениях содержатся в трудах Ксенофонта, упоминающего, в частности, имения Кира Младшего в Сардах (Лидия) и Келенах (Большая Фригия) («О хозяйстве», IV, «Анабасис» 1, 2; 7), Фарнаваза около Даскилеи (Малая Фригия) («Греческая история», IV, 1; 15, 16, 33), Тиссаферна в Карии («Греческая история», II, 12; *Плутарх*, Алкивиад, XXIV), Велесия в Сирии («Анабасис», 1, 4; 10).

Имениями владели и прочие вельможи империи, о чем свидетельствуют те же письма Аршама, упоминающие знатных иранцев-землевладельцев в Египте⁷, клинописные документы, также называющие поименно собственников земельных наделов в Вавилонии⁸, а также сведения греческих историков, из которых особенно ценны сообщения Ксенофонта о владениях перса Асидата в западной Малой Азии («Анабасис», VII, 8; 9, 12, 19, 21, 22)⁹.

Такая разветвленная система должностных и частных владений на территории империи позволяет говорить о наличии таких же владений в ахеменидской Армении. В частности, определенные данные, главным образом о сатрапских владениях (как мы удостоверились, они засвидетельствованы в целом ряде стран), позволяют предположить, что сат-

³ См. Clermont-Ganneau, Le paradis royal Acheménide de Sidon, Comptes rendus de l'Académie d'inscriptions et de belles lettres, 1920, стр. 405.

⁴ W. Dittenberger, Sylloge inscriptionum Graecorum, 3 Aufl. (Lipsiae, 1915), I, n° 22, стр. 20, 24; ср. М. А. Дандамаев, Чужеземные рабы..., стр. 2.

⁵ М. А. Дандамаев, Контракты..., стр. 133, 134. Заботу ахеменидских царей о землях хорошо характеризует Ксенофонт: «Где бы царь ни жил,—пишет историк,—куда бы он ни отправлялся, он заботится, чтобы везде были сады, называемые «парадизами», полные всем красивым и хорошим из того, что может производить земля» («О хозяйстве», IV, 13; см. также «Киропедию», VIII, 6; 12).

⁶ См. G. R. Driver, Aramaic documents of the Vth century B. C. Oxford, 1957; ср. И. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 70—74; М. А. Дандамаев, Контракты..., стр. 130, 131 и 137.

⁷ См. И. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 73.

⁸ См. М. А. Дандамаев, Чужеземные рабы..., стр. 7; его же, Контракты..., стр. 130; G. Cardascia, Les archives de Murasu, Paris, 1951, стр. 7; W. Eilers, Iranische Beamtennamen in der Keilschriftlichen Überlieferung, Teil I. Leipzig, 1940, стр. 12. Об имениях, принадлежавших придворным служителям Персеполя, см. И. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 82.

⁹ См. M. I. Rostovtzeff, Notes on the economic policy of pergamen Kings, Anatolian Studies presented to W. M. Ramsay. Manchester, 1923, стр. 372—374.

рапы Армении, в частности Оронт, правитель Армении на рубеже V—IV вв. до н. э., также располагали имениями на территории своей сатрапии¹⁰.

Возможно, что в Армении ахеменидского времени таким именем был упомянутый в армянских средневековых источниках район Еруандуник—Аруантуник¹¹, вблизи города Вана. Название района со всей очевидностью восходит к именам сатрапов и царей Армении — Аруанд — Еруанд — Оронт. Здесь же зафиксированы еще два топографических названия, восходящих к этому же имени: местность Еруандаканс к востоку от города Вана, у горы Вараг, при входе в область Тосп¹², и дошедшее в позднесредневековых рукописях название Еруандаван для города Вана¹³.

Сам район Аруантуник — Еруандуник примыкал у селения Ордок к Хайоцдзору — ущелью армян, которое отождествляется с долиной реки Хошаб и граничит с областью Тосп, что позволяет точнее локализовать район к востоку и юго-востоку от города Вана.

Наличие трех топографических названий, содержащих имя Еруанд, на небольшом расстоянии друг от друга — довольно примечательное явление, которое могло бы быть относительно к сравнительно позднему эллинистическому времени (ср. Еруандашат, Еруандакерт), если бы не сохранившаяся у историка форма Аруантуник, архаический облик которой указывает на более раннее время его возникновения, по крайней мере на ахеменидский период. По мнению С. Т. Еремяна, вышеупомянутое название возможно даже связать с деятельностью древних армянских царей VI в. до н. э.¹⁴ Примыкающий в древности к городской округе Вана район-имение был расположен на одной из самых экономически развитых территорий государства Урарту, входившей в сферу орошения древних, но действующих и впоследствии каналов и других водных сооружений, и являлся одним из наиболее развитых земледельческих центров, известным своими садами, виноградниками и зерновыми полями¹⁵.

О том, что сатрапские или царские владения могли быть расположены также близко к главному городу или центру сатрапии, имеется

¹⁰ Эд. Мейером была высказана правдоподобная мысль о существовании в Армении поместий, принадлежавших сатрапу Вндарну и его наследникам (Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, Bd. III, Stuttgart, 1901, стр. 33). Нам не известно, на каких данных основывается это предположение: вероятнее всего, оно исходило из общего положения о раздаче первыми Ахеменидами правителям областей земельных угодий (Ксенофонт, *Киропедия*, VIII, 6: 4, 6; см. также A. Christensen, *Die Iranier*, München, 1933, стр. 271; M. Ehteshami, *L'Iran sous les achéménides*, Fribourg, 1946, стр. 102).

¹¹ См. Քրդ ժաշ Արծրունի, Պատմութիւն տանն Արծրունեաց, Կ. Պոլիս, 1852, стр. 221. Մ. Ս. Երեմյան, Հայաստանը ըստ «Աշխարհացոյցի»-ի. Երևան, 1963, стр. 52, 109; Н. Адонц, *Армения в эпоху Юстиниана*, СПб., 1908, стр. 315, 316 и 321.

¹² См. Քրդ ժաշ Արծրունի, Պատմութիւն..., стр. 54.

¹³ См. Մ. Ս. Երեմյան, Հայկական առաջին պետական կառավարումները. «Պատմա-հայնասիրական հանդես», 1968, № 3, стр. 106, прим. 73.

¹⁴ См. там же, стр. 107; его же, *Հայաստանը ըստ «Աշխարհացոյցի»* стр. 51.

¹⁵ См. Н. В. Арутюнян, *Земледелие и скотоводство Урарту*, Ереван, 1964, стр. 16 и сл., 53 и сл.

ряд конкретных примеров (царское имение около Сидона, имения Кира Младшего и Фарнаваза около Сард и Даскилей), подтверждающих мысль о наличии сатрапского владения вблизи центра армянской сатрапии, каким, по всей вероятности, являлся город Ван¹⁶.

Хозяйственную характеристику подобных имений дают те же арамейские письма сатрапа Аршама, клинописные документы Персиды и Вавилонии ахеменидского времени, греческие источники. Они упоминают сады и парки, так называемые парадисы, леса и разные заповедники, полные диких зверей, земледельческие хозяйства, с зерновыми полями и виноградниками, скотоводческие хозяйства, рыбные водоемы и многое другое. О непосредственных производителях, работающих в имениях, известно, что они упоминаются под названием грда или курташ, работающих как в частных, так и в государственных хозяйствах. Часть их вербовалась из людей, захваченных во время подавления восстаний, а также насильственно увезенных из других стран и обращенных в рабство.

Эти грда не имели средств производства, не обладали личной свободой, но имели, по-видимому, движимое имущество, а в Вавилонии даже могли владеть землею.

Они получали довольствие, как правило, натурой, а судя по персепольским табличкам, серебром в виде приплаты. Среди них были и ремесленники, в том числе и высококвалифицированные¹⁷.

В то время как землевладельцы, в данном случае сатрапы, жили в городах или находились в своих резиденциях, их имениями правили чиновники (пакида)—управляющие, чаще всего из местных жителей, о которых сохранились сведения в письмах Аршама. Они занимались сбором податей с имения, распоряжались рабами и движимым имуществом¹⁸.

В связи с владениями сатрапа Армении заслуживают внимания сведения Ксенофонта, приведенные в «Анабасисе». Совершив переправу через реку Кентрит (восточный Тигр, южная граница Армении), греки прошли пять парасангов (около 25 км). «Та деревня, в которую они пришли,—сообщает историк,—оказалась обширной, в ней находился дворец сатрапа...» («Анабасис» IV, 4; 2). Продолжая свой путь, греки вступили на территорию так называемой «Западной Армении», правите-

¹⁶ Можно привести ряд примеров, когда столицы покоренных стран становились главными центрами сатрапий, образуемых на территории этих стран (Мемфис в Египте, Вавилон в Вавилонии, Сарды в Лидии, Экбатана в Мидии и т. д.). Естественно, что Ван—столица урартского государства, а затем армянского древнейшего царства—должен был стать главным центром армянской сатрапии. Здесь же, на Ванской скале, Дарий велел приготовить место для надписи, а Ксеркс начертил ее.

¹⁷ См. И. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 75 и сл.; М. А. Дандамаев, Чужеземные рабы..., стр. 1 и сл.; е го же, Контракты..., стр. 131.

¹⁸ См. И. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 72 и сл. Вышеприведенная краткая характеристика хозяйства, основанная на данных наиболее развитых в экономическом отношении стран (западная Малая Азия, Вавилония, Египет), естественно, не всегда может адекватно отражать состояние, господствующее в Армении, для которой более приемлемыми оказались бы аналогии из собственно Ирана (без царских хозяйств).

лем которой был Тирибаз. Пройдя 15 парасангов (75 км), «греки прибыли ко дворцу и расположенным вокруг него многочисленным деревням...» («Анабасис», IV, 4; 7).

Сравнительный материал, способствующий правильному осмыслению вышеупомянутых данных историка, касающихся главным образом дворца-басилеи (βασιλειᾶ), показывает, что последний, как правило, сопряжен с понятием сатрапского имения. К счастью, ценнейший сравнительный материал имеется как раз у Ксенофонта.

В двух случаях басилея упоминается вместе с парком (парадисом), частым спутником имений ахеменидского времени (парк при дворце Кира, сатрапа Лидии, Великой Фригии и Каппадокии, в Келенах во Фригии («Анабасис», I, 2; 7) и парк у истоков реки Дарданы при дворце Велесия, сатрапа Сирии («Анабасис», I, 4; 10). Отдельно упоминается парк Кира в Сардах, главном центре его сатрапии, где наличие басилеи-дворца следует подразумевать («О хозяйстве», IV, 21).

Описывая резиденцию и имение сатрапа Малой Фригии Фарнаваза, около Даскилеи, Ксенофонт в другом своем произведении, «Греческой истории», упоминает дворец-басилею с деревьями вокруг него, парк и сады (IV, 1; 15)¹⁹.

В этих же краях западной Малой Азии (в Мизии) был расположен замок Асидата, знатного перса-землевладельца, хозяйство которого описывает Ксенофонт, упоминая при этом рабов и скот («Анабасис», VII, 8; 9, 12, 13).

Из вышеприведенных сведений Ксенофонта вытекает, что басилея-дворец для правителей провинции и замок (τοῦρα)²⁰ для прочих вельмож мог быть центром имения, в состав которого могли входить деревни, парки, рабы и скот. Однако имение могло состоять также только из деревень. Такие имения принадлежали Парисатиде, матери Артаксеркса II, и были расположены одно в Сирии, другое—в Двуречье («Анабасис», I, 4; 9; II, 4; 27).

Из всего сказанного в упомянутых Ксенофонтом в Армении дворцах-басилеях с деревьями при них можно усмотреть резиденции-имения сатрапа Оронта и гипарха Тирибаза²¹.

Кто работал в этих имениях, кем были жители деревень при них—на эти вопросы в приведенных отрывках ответа не находим. Мы уже видели, что основную рабочую силу в ряде поместий иранских вельмож составляли рабы. Для характеристики таких владений очень важными оказались сообщения Ксенофонта о хозяйстве знатного перса Асидата в Мизии. У историка, однако, имеются более конкретные сведения о деревнях Парисатиды, в одном случае с рабами в них, в другом—без них. Засвидетельствованные в вавилонских деревнях царицы рабы были,

¹⁹ См. М. Rostovtzeff, указ. соч., стр. 374.

²⁰ См. там же, стр. 373, 374.

²¹ Сатрапам Армении могли принадлежать и ремесленные мастерские по производству художественных металлических изделий, о деятельности которых в рассматриваемое время имеется ряд косвенных данных.

по-видимому, чужеземцы, захваченные в плен персами, обращенные в рабство и поселенные в деревне.

Сведения Ксенофонта об организации армянских деревень не дают права искать в них, в том числе и в расположенных вокруг дворцов-басилей деревнях, рабов. Можно считать доказанным, что деревни Армении ахеменидского времени представляли собой сельские общины, о существовании которых имеется ряд данных у самого Ксенофонта²². По своему положению деревни в имениях сатрапа и гипарха в Армении с некоторыми оговорками больше всего напоминают деревни-владения Парисатиды у реки Гал в Сирии, отданные царице «на пояс» («Анабасис», I, 4; 9; *Ктесий*, Персика, фрагм. 89). Здесь, по-видимому, в отличие от владений той же царицы в Вавилонии, жили свободные люди, обязанные, кроме обычной подати царю, нести расходы по содержанию разных нужд царицы и ее двора. Общинники же в упомянутых владениях сатрапа Армении, кроме дани царю царей, большую часть своих доходов отдавали самому сатрапу. Возможно, такую обычную для некоторых сатрапских имений практику имеет в виду Ксенофонт, упоминая о собранном для сатрапа продовольствии в одной из деревень Ассирии, недалеко от которой находился дворец-басиля («Анабасис», III, 4; 24, 31).

2. Придворные служители или рабы?

Ксенофонт рассказывает, что, проходя через Армению, греки захватили палатку Тирибаза, наместника Западной Армении, а в ней ложе с серебряными ножками, кубки и людей, называвших себя хлебодарами и виночерпьями («Анабасис», IV, 4; 21).

Упоминание историком вышеназванных лиц, естественно, ставит вопрос об организации двора сатрапа и прочих правителей. Сведения, способствующие выявлению полного состава сатрапского двора, явно не достаточны, но имеющиеся немногочисленные данные позволяют утверждать, что он во всем подражал царскому двору.

О том, что двор сатрапа был организован по образцу двора персидского царя и что придворные обычаи сатрапа должны были совпадать с обычаями большого двора царя, свидетельствует Ксенофонт в другом своем произведении («Киропедия», VIII, 6). Об этом, на первый взгляд, говорит и сопоставление упомянутых придворных чинов—хлебодара и виночерпия—с соответствующими должностями при царском дворе. В отличие от сатрапского двора должности при дворе царя царей освещены первоисточниками более обстоятельно. Известно несколько десятков титулов как государственных должностных лиц, так и сугубо придворных должностей. Природа и содержание этих титулов поддаются довольно убедительному объяснению.

²² См. С. Т. Еремян, Основные черты общественного строя Армении эллинистической эпохи, «Известия АН Арм. ССР», обществ. науки, 1948, № 11, стр. 37, 38.

Среди высокопоставленных сановников царского двора особое место занимает *δινωχέρης* греческих источников—виночерпий, упомянутый, как мы видели, также среди людей, окружавших правителя «Западной Армении» Тирибаза. Ему и хазарапету, другому высокопоставленному придворному служителю, доверялась безопасность царя. При Камбизе эту должность занимал Артембар, сын хилиарха (хазарапета) Прексаспеса (*Геродот*, Истории, III, 34)²³. При Артаксерксе I служитель двора Нехемий особенно подчеркивал то обстоятельство, что он является виночерпием царя. Известно также, что этим титулом были наделены всемогущие евнухи двора («Киропедия», VIII, 4, 2)²⁴. По мнению некоторых исследователей, виночерпиев можно усмотреть на двух общеизвестных рельефах из Персеполя (столонный зал и сокровищница) в фигуре, стоящей непосредственно за царем²⁵.

Права и обязанности виночерпия точно определить трудно, тем более его взаимоотношения с хилиархом (хазарапетом). По-видимому, он стоял во главе пажей и придворных личных слуг царя. Как бы мы ни пытались выявить суть его должности, первоисточники рисуют нам фигуру крупного придворного и государственного сановника, пользующегося большим доверием царя царей и не раз пытавшегося повлиять на ход событий в империи.

В свете этих данных особенно неожиданными кажутся сведения Ксенофонта о том, что «у царя очень много (тысячи) виночерпиев» («Греческая история», VII, 1; 38). По мнению Альтгейма, это некогда важная должность ко времени Ксенофонта утратила свое бывшее значение, обесценилась и получила широкое распространение. Поэтому Ахикар в Товите величает себя *αρχιδινωχέρης*-ом—старшим начальником виночерпиев, чтобы выделиться в общей массе виночерпиев²⁶.

Нам кажется, однако, что следовало бы отличать виночерпия—должностное лицо от многочисленных виночерпиев царя, упомянутых Ксенофонтом. Некоторые данные позволяют думать, что как при Ксенофоне, так и вплоть до конца существования империи виночерпий, один из главных советников царя, продолжал сохранять свое прежнее высокопоставленное положение. Что касается многочисленных виночерпиев, то в них следует усматривать не претерпевших известную эволюцию прежних должностных лиц, появившихся впервые в такой массе и зафиксированных в сообщении Ксенофонта. Виночерпии в таком большом коли-

²³ См. A. Christensen, *Die Iranier*, München, 1933, стр. 261.

²⁴ См. F. Altheim, R. Stiehl, *Die aramäische Sprache unter den Achämeniden*, Frankfurt am Main, 1961—1962, Lieferung II, стр. 145; P. J. Jungé, *Hazarapatis*, Klio, 33 (15), n° 2, 1940, стр. 19—21, 38; J. Marquart, *Untersuchungen zur Geschichte von Eran*, Göttingen, 1896, стр. 229—232; E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, Bd. III, Stuttgart, 1901, стр. 42; W. Hinz, *Altiranische Funden und Forschungen* (Medisches und Elamisches am Achämenidenhof), Berlin, 1969.

²⁵ См. E. Schmidt, *Persepolis*, I, Chicago, 1953.

²⁶ См. F. Altheim, R. Stiehl, указ. соч., стр. 165.

честве существовали, по всей вероятности, и раньше среди многочисленных работников царя и, как выясняется, были рабами²⁷.

Нет сомнения в том, что наместник «Западной Армении» Тирибаз, будучи сам высоким должностным лицом при царе—«другом царя» и начальником конюшни (в его присутствии никто другой не помогал царю садиться на коня) («Анабасис», IV, 4; 4), имел свой двор с придворными чиновниками и служителями.

Более вероятно, что находившиеся при дворе люди, называвшие себя виночерпиями и хлебодарами,— не должностные лица²⁸, а рабы, выполнявшие домашние работы. Подобных и многих других—пекарей, поваров, лекарей, евнухов, овчаров, виноградарей, пивоваров («Греческая история», VII, 1; 38)—была уйма, и они вербовались из представителей покоренных народов²⁹. Среди них были и более привилегированные прослойки, главным образом ремесленники, художники, медики, а также, возможно, домашние рабы, какими являлись, по-видимому, виночерпии и хлебодары при дворе Тирибаза в Армении.

3. К вопросу о канцелярии и писце сатрапа

Описывая очередной этап войны диадохов, Диодор Сицилийский сообщает, что Эвмен сочинил письмо, содержание которого должно было воодушевить на бой воинов перед предстоящим сражением с Антигоном. Письмо было составлено от имени Оронта, сатрапа Армении, и адресовано Певкесту, сатрапу Персиды, бывшему члену царского полка Александра. Для того чтобы придать правдоподобный характер письму, оно было написано «сирийскими буквами». Письмо оказало желаемое воздействие, и настроение армии изменилось («Историческая библиотека», XIX, 23).

На каком языке было составлено это письмо, написанное арамейскими буквами и, следовательно, каким мог быть язык деловых сношений сатрапа Армении—на это Диодор ответа не дает. Письмо не могло быть на армянском языке, так как более чем вероятно, что адресат сатрапа Персиды Певкест, бывший военачальник Александра, не знал его. Язык письма не мог быть также персидским, хотя бы потому, что первое применение арамейской письменности для передачи персидского языка принято относить ко времени, начиная с первой половины III в. до н. э., которым датируется надпись из Накш-и Рустема, иранская по языку, арамейская по письменности³⁰. По-видимому, можно утверждать, что языком подложного письма был арамейский, так же как и язык пись-

²⁷ См. М. А. Дандамаев, Чужеземные рабы... стр. 10.

²⁸ См. Г. А. Тиранян, Происхождение древнеармянского царства, «Историко-филологический журнал», 1966, № 4, стр. 85, 86.

²⁹ См. М. А. Дандамаев, Чужеземные рабы..., стр. 10; И. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 85, прим. 63.

³⁰ См. W. B. Henning, Iranistik (Handbuch der Orientalistik), Leiden, 1958, стр. 24.

ма, посланного, по свидетельству того же Диодора, набатейскими арабами около 312 г. Антигону диадоху, составленного также сирийскими, т. е. арамейскими буквами («Историческая библиотека», XIX, 36)³¹.

Тем не менее, для более полного осмысления вышеупомянутых сообщений Диодора Сицилийского следует остановиться на вопросе распространения и роли арамейского письма и языка в ахеменидской империи и в этом контексте рассмотреть вопрос о сатрапской канцелярии и писце в Армении.

История появления и распространения арамейского языка как языка официальных сношений в Передней Азии, вплоть до его превращения во всеобщий административный язык в условиях ахеменидской державы, изучена довольно хорошо³². В силу ряда преимуществ перед клинописью (алфавитный характер письма, возможность пользования легко перевозимыми материалами—папирус, пергамент) арамейский язык вторгся в разные сферы жизни древних переднеазиатских государств. Начиная с VIII в. арамейский язык выступает в качестве дипломатического и торгового языка в Ассирии. Об этом свидетельствуют надписи—арамейские и билингвы—ассиро-арамейские, а также подвесные печати-буллы, оставшиеся от сгоревших папирусных документов, составленных на арамейском языке, и найденные в разных центрах ассирийской державы. Арамейский язык, возможно, нашел применение и в урартском государстве. Находка подвесной печати-буллы из битума на Кармир-блуре указывает на то, что текст папируса, который скреплялся ею, был, вероятно, выполнен арамейским письмом³³.

Немало данных о распространении арамейского языка в нововавилонском царстве засвидетельствовано находками в Вавилоне, Сипаре и других городах клинописных таблечек времен Навуходоносора и Набонида с приписками резюме на арамейском языке.

После захвата Вавилонии персами арамейский язык получил широкое распространение и в ахеменидской державе. В книге Эзры и Эсфирь говорится о составлении царских указов в период правления Кира II. Эти документы были составлены на арамейском языке. Клинописные надписи времен Кира II на древнеперсидском языке тоже свидетельствуют о степени распространенности арамейского языка в государственных канцеляриях, так как они были созданы по образцу арамейского алфавита.

Однако это не дает права утверждать, что уже при Кире II арамейский язык стал государственным языком всей империи. При нем госу-

³¹ См. F. Altheim, *Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter*, Bd. I, Halle, 1947, стр. 33.

³² См. H. H. Schaefer, *Iranische Beiträge*, Schriften der Königsberger Gelehrtenengesellschaft, Geisteswissenschaftliche Klasse, 6 Jahr., H. 5, 1930, стр. 1—7; F. Altheim, R. Stiehl, указ. соч., Lieferung I, стр. 78—82, 102, 103 (см. рец. М. А. Дандамаева на эту работу, «Вестник древней истории», 1963, № 4); F. Altheim, указ. соч., стр. 33, 156, 157 и др.; W. B. Henning, указ. соч., стр. 22 и дальше.

³³ См. Б. Б. Пиотровский, *Кармир-блур*, I, Ереван, 1950, стр. 75, 76.

дарственные канцелярии пользовались арамейским языком только в западной части ахеменидской империи. Внедрение арамейского языка в качестве административного языка всей империи как в ее западных частях, так и в восточных связано с именем Дария. Это явление следует связать с его многочисленными реформами, прежде всего административно-финансового порядка. Арамейский язык стал быстро вытеснять эламский в Персеполе. Сосуществование, вернее конкуренция, двух языков в делопроизводстве прекращается в 459 г. в связи с вытеснением эламского языка арамейским³⁴.

О живучести же арамейского языка в самых восточных областях империи и тем самым о степени его распространенности в ахеменидское время в этих крайних пределах государства говорят арамейские надписи царя Ашоки (середина III в. до н. э.), пятая из которых была найдена сравнительно недавно в Афганистане³⁵.

Об общем языке канцелярии и официальных надписей говорят и фрагменты арамейского варианта Бехистунской надписи, найденные в другом конце империи, в Египте. Об этом же, кстати, свидетельствует и сама надпись, указывающая на существование написанных на коже вариантов, составленных, как мы видим, на арамейском языке для ознакомления подданных.

Исключительно широкая распространенность арамейского, так называемого имперско-арамейского (*Reichsaramäisch*) языка, была обусловлена его чрезвычайным удобством для создания единой системы общения. Без общего административного языка было бы невозможно централизованное управление империей, состоявшей, как известно, из многочисленных народностей и племен, говорящих на разных языках и диалектах. Естественно, что сфера применения арамейского языка была довольно ограниченной, мало выходящей за рамки высших кругов власти. В частности, он был языком переписки между царским двором и сатрапами и тем более между самими сатрапами. Под этим углом зрения письмо сатрапа Армении Еруанда сатрапу Персиды Певкесту могло быть написано только на арамейском языке.

Письмо Еруанда Эвмен велел зачитать своим союзникам, сообщает далее историк. Трудно представить, чтобы письмо было зачитано по-арамейски, т. е. на языке, на котором оно было написано, так как вряд ли кто-нибудь мог бы понять его. Поэтому арамейское письмо было зачитано на понятном для союзников Эвмена языке, т. е. по-персидски. Мы коснулись очень интересного явления, характерного для канцелярской практики ахеменидского Ирана, прежде всего царского и сатрапского дворов, в том числе и для двора Еруанда, сатрапа Армении.

³⁴ См. упомянутые под прим. № 32 работы, а также М. А. Дандамаев, Проблема древнеперсидской письменности. Эпиграфика Востока, XV, 1963.

³⁵ См. A. Dupont-Sommer, Une nouvelle inscription araméenne d'Asoka, trouvée dans la vallée du Lamghan (Afghanistan), Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles lettres, Paris, 1970, Janv.-Mars.

Роль и значение арамейского языка в администрации империи—при делопроизводстве или официальных сношениях—показывает, что мнение о применении персидского языка в клинописи при переписке не соответствует действительности. Переписка осуществлялась при помощи писца, который писал письмо по-арамейски, диктуемое ему царем, сатрапом или другим вельможей по-персидски, сходу переводя текст. По получении письма делалось обратное—арамейское письмо читалось по-персидски.

Эта практика перевода с листа или записи перевода сходу засвидетельствована Эзрой, который к тому же приводит специальный термин *trāgaš*, обозначающий эту процедуру. Этот распространенный в канцелярской практике ахеменидского времени способ, который должен был бы применяться и в упомянутом Диодором случае, позволяет подчеркнуть особую роль и положение писца как при царском, так и при сатрапском дворах.

Наряду с иранской знатью, к высшим сферам государственной жизни прокладывала себе дорогу каста писцов, как правило, вавилонско-арамейского происхождения, сумевшая обеспечить свое особое положение своей незаменимостью. В книге Эсфирь (9, 2) царские писцы оказываются в одном ранге с сатрапами. Для того чтобы довести до сведения царя какой-нибудь документ, при дворе надо было неминуемо пользоваться их посредничеством (*Плутарх*, Артаксеркс, XXII). Именно в качестве писца удалось иудею Эзре подняться до высших ступеней царской администрации. При Александре Амединос, писец последнего Ахеменида, Дария III, был назначен правителем одного из восточных племен. Сравнение положения ахеменидского писца—высокопоставленного канцелярского чиновника с исключительным положением катиба при Аббасидах или *дпира* в раннесредневековой Армении само собой напрашивается³⁶.

При дворе каждого сатрапа, в том числе и армянского, находилась канцелярия со своим главным писцом и прочим обученным персоналом. Письмо Еруанда намекает на это.

4. Военная организация сатрапий

Сведения источников позволяют говорить о категориях войск сатрапии, о взаимоотношениях гражданской и военной власти в сатрапии, о военном округе империи, в который входила армянская сатрапия.

Известно, что во время войны ахеменидская армия набиралась и составлялась по этническому принципу. По этому признаку была составлена армия Ксеркса во время греческого похода (*Геродот*, Истории, VII, 60) и были расположены войска Дария III перед битвой при Арбеле (*Арриан*, Поход Александра, III, 8). О царской армии, разделенной по

³⁶ См. F. Altheim, *Weltgeschichte*, стр. 156, 157; *Վ. Ս. Կալրաշի գլխին, Ճիւրրոյ Մաշտոցի կշիւրը և գործը, «Մանրոյ Մաշտոց», հոգիւածների ժողովածու, Երևան, 1963*.

народностям, сообщает и Ксенофонт, описывая сражение при Кунаксе («Анабасис», I, 8; 9).

Следовательно, естественно, что участвовавшее во всех этих военных мероприятиях армянское войско выступало, наподобие войск других народов ахеменидской державы, как отдельная этническая единица, о чем, кстати, единодушно свидетельствуют вышеупомянутые античные авторы (Геродот, Истории, VII, 73; Арриан, Поход Александра, III, 8, 5; III, 11, 7; Ксенофонт, Анабасис, II, 4; 8; III, 4; I, 3). Это были *набранные* из среды местного населения *войска*, образующие сатрапские контингенты военнообязанных подданных. В военное время они составляли основную военную силу сатрапии³⁷.

В каждой сатрапии, наряду с набранными войсками, существовали *регулярные части*, несшие постоянную военную службу. По-видимому, эту категорию имел в виду Ксенофонт, когда говорил: «Каждый правитель каждого народа должен содержать определенное количество войск». Согласно сообщению Ксенофонта, на эти постоянные войска возлагалась обязанность защиты сатрапии от разных набегов и нашествий, а также управления населением («О хозяйстве», IV, 5).

Они составляли постоянную военную силу сатрапии, и, возможно, Ксенофонт ее имеет в виду, когда упоминает правителя «Западной Армении» Тирибаз, выступающего «со своим войском» (δυνάμει) («Анабасис», IV, 4; 18)³⁸.

Под этой категорией войск можно подразумевать также армян, которые, согласно «Анабасису» (IV, 3; 4), вместе с мардами и халдайя-ми-наемниками преграждали путь грекам в сатрапию. По мнению Хюбшмана и Кркяшаряна, под наемниками *μισθοφόροι* в вышеприведенном отрывке Ксенофонт подразумевал халдаев³⁹, что не подлежит

³⁷ См. E d. Me u e r, указ. соч., стр. 68.

³⁸ Интерпретация данного сообщения Ксенофонта во многом зависит от вопроса — участвовал ли Тирибаз в битве при Кунаксе или нет. Если верить Плутарху («Артакеркс», X), то Тирибаз там был. Тогда трудно понять, как он мог очутиться в своей гипархии раньше греков, которые, как известно, оторвались от преследовавших их персов и ушли вперед. Среди преследователей был, кстати, и Оронт, который в сущности возвращался в свою сатрапию, но не достиг ее раньше греков. Следовательно, надо предполагать, что Тирибазу удалось сразу после окончания сражения вернуться к себе, или же, что он вовсе не участвовал в только что скончившейся войне. В этом случае возможно, что под его воинской силой надо подразумевать регулярные части, заботившиеся о защите вверенной ему области. Известен ряд примеров, которые показывают, что наряду с сатрапами, гипархии тоже имели право содержать войска, которыми они свободно пользовались на своей территории (E d. Me u e r, указ. соч., стр. 73, 74). Однако если считать, что Тирибаз только что вернулся из Кунаксы, то в таком случае надо допустить, что его сопровождали основные силы гипархии военного времени — *набранные войска*. Ведь их имеет в виду Ксенофонт, когда упоминает о войске Оронта, возвращающегося с войны.

³⁹ М. Н. Н ü b s c h m a n, Die Altarmenischen Ortsnamen, Strassburg, стр. 190, 207. См. *Քսենոփոն, Անաբասիս, Բարգմ. Ս. Կրկյաշարյանի*, Ереван, 1970, стр. 259.

сомнению и доказывається другими данными. Маркварт⁴⁰ и Манандян⁴¹ наемниками считают и мардов и халдаев, а Максимова, издавшая перевод «Анабасиса», относит к ним еще и армян⁴².

Так как грамматически определение «наемники», бесспорно, касается халдаев, но может относиться также и к мардам и к армянам, то для правильной интерпретации данного отрывка следует учесть и вышеприведенные данные, из которых видно, что наряду с основной военной силой сатрапии из набранных людей, участвующих, как мы видели, в сражении при Кунаксе, могли существовать и регулярные части, возможно из армян, которые вместе с наемниками выполняли одну из своих основных обязанностей—защиту границ.

Кроме частей, несших постоянную службу в самой сатрапии, существовали и такие части из тех же регулярных сатрапских войск, которые были дислоцированы в других сатрапиях, где они несли гарнизонную службу. Согласно некоторым авторам, в ряде коллективов чужеземцев, которые засвидетельствованы клинописными документами в Вавилонии, можно усмотреть воинов. Среди них упоминаются и выходцы из армянской сатрапии—ураштайа, под которыми следует подразумевать армян, несших военную службу в гарнизонных частях, расположенных в Вавилонской сатрапии⁴³.

Особую, характерную категорию войск империи составляли *наемники*. Не исключена возможность, что существовали и наемники-армяне, наподобие наемников из других подвластных Ахеменидам народов и племен. Наемниками в войсках Оронта, сатрапа Армении и Тирибаза, гипарха «Западной Армении», служили марды, халдан, халибы и таохи. Это—более или менее независимые племена, жившие на Армянском нагорье и вступавшие в самые разные сношения с представителями царской власти—с сатрапом и другими высшими сановниками.

В права правителей областей входила вербовка наемников, которые находились на государственном содержании.

Роль наемников в жизни империи хорошо известна, особенно греков-наемников. Известны также наемники-ассирийцы и гирканцы («Анабасис», VII, 8, 15).

Упоминающийся среди войска Тирибаза воин-перс тоже согласуется с нашими представлениями об организации военного дела во всей империи. Не исключено, что перед нами один из *телохранителей* Тириба-

⁴⁰ J. Markwart, Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation, Berlin, 1919, стр. 24.

⁴¹ Հ. Հ. Մանանդյան, Քննական տեսություն հայ ժողովրդի պատմության, Երևան, 1944, стр. 68.

⁴² См. Ксенофонт, Анабасис. Перевод М. И. Максимовой, М.—Л., 1951, стр. 102.

⁴³ E. Unger, Babylon die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier, Berlin, 1931, стр. 39, 40, прим. 6; G. Cardascia, Les archives de Murasu, стр. 7; Н. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 88.

за. Телохранители сатрапа и прочих правителей рекрутировались обычно среди персов⁴⁴.

Наряду с основными военными силами сатрапии, набранными и постоянными контингентами армян, баемниками-мардами, таохами, халдайями или халибами, телохранителями-персами, могли существовать и особые части, несущие гарнизонную службу в главных центрах и крепостях сатрапий⁴⁵. О наличии таких частей нам известно также из сообщения Ксенофонта («О хозяйстве», IV, 6).

В известном отрывке о защите от настулавших с юга эллинов южных границ сатрапии вооруженными всадниками и пешими воинами наряду с Оронтом-сатрапом упоминается и другой деятель—Артух; какую он занимал должность, трудно определить. Артух мог быть «государевым оком» — один из важных чинов державы, которого царь часто посылал проверять дела в отдельных сатрапиях. В этих инспекционных поездках его нередко сопровождало войско («Киропедия», VIII, 6; 16). Следует отметить, что это предположение маловероятно уже потому, что как раз для этого времени известен Артасура, по имени «государево око» империи, которого Плутарх упоминает среди окружавших царя Артаксеркса II вельмож («Артаксеркс», XII). Как видно затем из соответствующего отрывка «Киропедии», эти поездки были кратковременными и совершались, как правило, тайно.

То обстоятельство, что Артух упоминается вместе с войском, преграждавшим в данном случае путь эллинам в Армению, показывает, что он имел непосредственное отношение к военному делу сатрапии и мог бы быть главнокомандующим сатрапских войск.

Вопрос о разделении власти в подчиненных странах, разграничение военной власти от гражданской возник, по-видимому, после подавления больших восстаний в начале царствования Дария. До него, при Кире II, Камбизе и даже на первых порах правления Дария, сатрапы крепко держали военную власть в своих руках. Описание Геродотом шедшей на запад ахеменидской армии показывает, что при Ксерксе разделение обязанностей в сатрапиях оставалось в силе («Истории», VII, 61 и дальше). Как правило, командующими сатрапских частей не были сатрапы, хотя каждая народность имела своего вождя (*Геродот*, *Истории*, VII, 79). Армяне и фригийцы шли под предводительством Артохма, зятя Дария, который не был сатрапом ни той, ни другой народности. Эту должность в Армении, по-видимому, занимали Гидарниды, первые правители ахеменидской Армении.

Однако сведения, которыми мы располагаем для второй половины и конца V века, показывают, что все обязанности, как гражданские, так и военные, были сконцентрированы в руках правителя-сатрапа. Трудно, например, допустить, что начавшиеся при Артаксерксе I крупные сатрап-

⁴⁴ P. J. J u n g e, *Hazarapatis*, стр. 33, прим. 4.

⁴⁵ В рассматриваемое время таких в Армении было немало, как об этом свидетельствуют письменные источники и археологические данные.

ские восстания могли вообще произойти, если военная власть не находилась бы в руках сатрапов.

Об этом же красноречиво свидетельствует описание похода «10000» и связанных с ним всех военных дел, из которых явствует, что главнокомандующими сатрапских войск были сами сатрапы (см. соответствующие места «Анабасиса») ⁴⁶.

Это видно на примере армянской сатрапии, сатрап которой Оронт, «со своим», т. е. сатрапским, войском участвовал в битве при Кунаксе («Анабасис», II, 4, 8, 9; III, 4; 13). Такое положение не изменилось и в дальнейшем, как показывают общеимперские данные ⁴⁷ и сведения, касающиеся Армении. В битве при Гавгамелах армяне участвовали под предводительством своих правителей—Оронта и Митраваста (Арриан, Поход Александра, III, 8; 5; III, 11; 7).

Возвращаясь к вопросу о должности Артухы, вероятнее всего военной, следует сказать, что даже в условиях единоличной власти сатрапа могли существовать в данной сатрапии разные военачальники (см. Ксенофонт, О хозяйстве IV, 7). Одним из них был фрурарх, начальник крепостных гарнизонов, подчиненный сатрапу, но заботившийся об охране крепостей и помогавший ему при защите страны от вражеских нападений и разных набегов ⁴⁸.

Такой представляется нам военная должность Артухы.

Сатрапии с упомянутыми категориями войск входили в военные округа, на которые было разделено ахеменидское государство. Во время войны упоминаются главнокомандующие, повелевавшие большими войсковыми объединениями и состоявшие, как правило, из войск нескольких сатрапий. Во время греческого похода Ксеркса (480 г. до н. э.) таких главнокомандующих имперской пехоты было шесть (Геродот, Истории, VII, 82), во времена Артаксеркса II, точнее в связи с походом Кира Младшего, упоминаются четыре главнокомандующих царской армии («Анабасис», I, 7; 11). Неизвестно, в какой именно округ входили войска XIII и XVIII сатрапий во время похода Ксеркса на запад. На основе данных более позднего времени об этом можно лишь предполагать. Что касается сведения Ксенофонта, то имеется возможность определить этот вопрос более конкретно.

⁴⁶ См. E. d. Meyer, указ. соч., стр. 71—73. Правда, в двух своих других трудах Ксенофонт довольно определенно говорит о разделении власти между правителем-сатрапом и начальником войск (см. «Киропедия», VIII, 6; 1—3; «О хозяйстве», IV, 9, 10). Эти сведения, по мнению Ксенофонта, относятся к годам правления Кира II, основателя ахеменидского государства, а на самом деле отражают более поздний, но не современный ему период, когда, как мы уже видели, такое разделение власти действительно могло иметь место. Поэтому вывод Эд. Мейера о сосредоточении власти гражданской и военной в руках одного сатрапа на всех этапах истории ахеменидского Ирана кажется слишком категоричным.

⁴⁷ См. W. W. Tarn, Alexander the Great, т. I, Cambridge, 1951, стр. 29.

⁴⁸ См. M. L. Chaumont, Recherches sur les institutions de l'Iran ancien et de l'Arménie, Journal Asiatique, T. CCL, 1962, fasc. 1, стр. 17, 18 (Le titre et la fonction d'Argapat et de Dizpat).

Ксенофонт сообщает: «Начальников царского войска было четыре (Абраком, Тиссаферн, Гобрин и Арбак) и у каждого начальника было по 300 000 солдат» («Анабасис», I, 7; 11). По мнению Эд. Мейера, рассматривающего это сообщение, Абраком предводительствовал войсками малоазийского округа, Тиссаферн—войсками сирийского и приевфратского округа, Гобрин и Арбак—войсками армянского и иранского округов до Индии⁴⁹.

По-видимому, имеется возможность интерпретировать сообщение Ксенофонта и по-другому. Например, есть все основания думать, что предводительствовал малоазийскими военными силами Тиссаферн и что войска армянской сатрапии входили именно в малоазийский округ.

Главенствующую роль в малоазийских владениях царя царей играли всегда сатрапы Лидии. Правда, в то же самое время сатрапом Лидии, Фригии и Каппадокии был брат царя Кир Младший. Надо думать, однако, что в сложившихся условиях Тиссаферн командовал оставшимися верными царю царей малоазийскими, а также армянскими частями. Ведь до назначения Кира в Малой Азии Тиссаферн был сатрапом Лидии, Карии и ионийских городов (413—405 гг. до н. э.). Интересно отметить, что после гибели Кира Тиссаферну вернули малоазийские области, в том числе и Лидию (400—395 гг. до н. э.).

Тесные связи Тиссаферна с малоазийскими делами позволяют утверждать, что именно он был главнокомандующим малоазийских войск и, следовательно, топархом (начальником) малоазийского военного округа. Остальными округами соответственно командовали: Абраком (сирийским), Гобрином (вавилонским) и Арбак (иранским до Индии).

То, что Оронт подчинялся Тиссаферну и что, следовательно, войско армянской сатрапии могло входить в состав малоазийского военного округа, видно из ряда сообщений Ксенофонта. «Тем временем,—говорит Ксенофонт,—прибыл Тиссаферн со своим войском, видимо, намереваясь идти домой, а также Оронт со своей воинской силой. Отсюда они двинулись в путь, причем вел Тиссаферн, и он представлял войскам возможность закупать продовольствие» («Анабасис», II, 4; 8, 9). Историком зафиксирован здесь момент возвращения отдельных частей царской армии после битвы при Кунаксе, имеющей, как известно, благополучный исход для нее. Оронта встречаем вместе с одним из четырех главнокомандующих царской армии, начальником малоазийских войск.

В следующем отрывке Ксенофонт выражается также ясно: «На этом переходе показался Тиссаферн. Он вел за собой свою собственную конницу, войско Оронта, женатого на дочери царя» и т. д. («Анабасис», III, 4; 13).

Примечателен не только тот факт, что Оронт и Тиссаферн упоминаются вместе, а то, что явно чувствуется особое положение Тиссаферна, командующего не только своим войском, но и войсками Оронта.

⁴⁹ См. Ed. Meyer, указ. соч., стр. 75.

Вместе с Оронтом и Тиссаферном Ксенофонт упоминает и другого военачальника—Ариея и его войско, что еще раз выявляет связи Оронта и тем более Тиссаферна с Малой Азией. Арией был другом Кира и начальником его варварского войска. В Кунаксе он перешел на сторону царя и примкнул к Тиссаферну. Во втором из вышеотмеченных отрывков части Ариея находились в числе возвращающихся войск Тиссаферна. Спустя некоторое время Арией стал сатрапом Фригии.

Это малоазийское окружение Оронта, сатрапа Армении, очень интересное явление, находящее подтверждение в ряде данных, касающихся военной организации сатрапии, из которых видно, что во всех крупных военных мероприятиях империи армяне участвовали вместе с малоазийскими народами.

Во время похода ахеменидской армии против Греции армяне шли вместе с фригийцами (*Геродот*, *Истории*, VII, 73). Из описания расположения имперских войск перед битвой в Гавгамеле видно, что армяне стояли наряду с каппадокийцами (*Арриан*, *Поход Александра*, III, 8; 5; III, 11, 7). Наконец, судя по данным клинописных документов, воины, а может быть, только сельские работники, армянской сатрапии упоминались в Вавилонии вместе с милитенянами (милдуайа), то есть с жителями соседней Малатии⁵⁰.

Все эти данные могут быть объяснены, если допустить, что в течение почти всего существования ахеменидской державы армянская сатрапия входила в малоазийскую военную топархию. Не исключено, что в начале царствования Дария, во время крупных восстаний народов империи против ахеменидского владычества, наметившийся союз между Арменией и Мидией был главной причиной, побудившей ахеменидов включить Армению в малоазийскую систему военной организации империи, оторвав ее тем самым от Мидии.

Затронутые вопросы внутренней организации сатрапской власти в Армении, будучи рассмотрены в общемперском контексте сходных явлений, приобретают некоторое самостоятельное значение и способны если не уточнить, то хотя бы подтвердить общие для истории всего ахеменидского государства факты и данные.

С другой стороны, они позволяют в какой-то мере дополнить уже наметившуюся картину общественного развития Армении ахеменидского времени, с ее основными формами хозяйства, сельской общиной, проблемой доэллинистического города, торговлей, ремеслом.

Особое значение рассмотренных здесь вопросов заключается, наконец, в установившихся связях между армянской сатрапией и последующими армянскими царствами (Еруандидов, Арташесидов и даже Аршакидов), унаследовавшими ряд определенных черт сатрапского управления (организация двора и канцелярии, применение арамейского языка), известных по ахеменидским традициям в древней Армении.

⁵⁰ См. Е. Упгег, указ. соч., стр. 39, 40, прим. 6.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍԱՏՐԱՊՈՒԹՅԱՆ ՆԵՐՔԻՆ ԿԱԶՄԱԿԵՐՊՄԱՆ ՄԻ ՔԱՆԻ ԱՍՊԵԿՏՆԵՐ

Գ. Ա. ՏԻՐԱՅՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հոդվածում քննության են առնված Հայաստանի Արևմտյան ժամանակաշրջանի ներքին պատմության մի քանի հարցեր, կապված գերազանցապես սատրապության հաստատության հետ: Այդ հարցերից են՝ սատրապի հոդալին տիրությունները, սատրապի արքունիքում հիշատակվող ստրուկները, սատրապի գրասենյակը, սատրապության զինվորական կազմակերպությունը:

Նման հարցերը լուսաբանող տվյալները սակավաթիվ են. նրանք հանդիպում են հատկապես հույն պատմագիրների երկերում, առաջին հերթին Քսենոփոնի «Անաբասիսում»: Այնուհանդերձ, աղբյուրների հաղորդած տեղեկությունների քննական տեսությունը, Իրանի Արևմտյան պետությանը վերաբերող տվյալների ֆոնի վրա, թույլ է սալիս մի շարք եզրակացություններ անել, որոնք կարող են որոշ նշանակություն ունենալ ինչպես Հայաստանի, այնպես էլ Արևմտյան պետության ու նրա կազմի մեջ մտնող առանձին երկրների պատմության համար: